

**Сергей Михайлович Степняк-
Кравчинский**

Подпольная Россия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32   **Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский**
Подпольная Россия / Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 166 с.

ISBN 978-5-4241-1849-4

В книге писателя революционера С.М. Степняка-Кравчинского прослеживается история русского освободительного движения, истоки мировоззрения революционеров-народовольцев, а также отдельные судьбы революционеров 70-80-х годов прошлого столетия.

ISBN 978-5-4241-1849-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Степняк-Кравчинский Сергей
Михайлович
Подпольная Россия

Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский

Подпольная Россия

Комментарии Н.М.Пирумовой, М.И.Перпер

В первый том Сочинений революционера и писателя С.М.Степняка-Кравчинского вошли два самых заметных из его произведений "Россия под властью царей" и "Подпольная Россия". В этих произведениях прослеживается история русского освободительного движения, истоки мировоззрения революционеров-народо-вольцев, а также отдельные судьбы революционеров 70-80-х годов прошлого столетия.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

Нигилизм

Пропаганда

Террористы

Революционные профили

Яков Стефанович

Дмитрии Клеменц

Валериан Осинский

Петр Кропоткин

Дмитрий Лизогуб

Геся Гельфман

Вера Засулич

Софья Перовская

Очерки из жизни революционеров

Московский подкоп

I. Отшельники

II. Подкоп

Два побега

Укрыватели

Тайная типография

Поездка в Петербург

Заключение

Комментарии

ВСТУПЛЕНИЕ

НИГИЛИЗМ

I

Слово "нигилизм" было введено в обиход нашего языка, как известно, покойным И.С.Тургеневым, который окрестил этим именем особое умственное и нравственное течение, наметившееся среди русской интеллигенции в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов.

Эта кличка не была ни остроумнее, ни вернее множества других, изобретенных тем же Тургеневым, не говоря уже о Щедрина. Но повезло ей, можно сказать, поистине не в пример со сверстниками. Из великого, до сих пор не вполне оцененного романа Тургенева название это быстро перешло в обыкновенную разговорную речь. Слово "нигилизм" получило право гражданства сперва как бранная кличка, а потом как гордо принятый ярлык той философской школы, которая одно время занимала самое видное место в русской интеллектуальной жизни.

Лет пятнадцать спустя, когда заправский нигилизм совершенно сошел со сцены в России и был почти забыт, эта кличка вдруг воскресла и стала жить за границей, где и засела так прочно, что, по-видимому, ее уже ничем не вытравить.

Настоящий нигилизм, каким его знали в России, был борьбой за освобождение мысли от уз всякого рода традиции, шедшей рука об руку с борьбой за освобождение трудящихся классов от экономического рабства.

В основе этого движения лежал безусловный индивидуализм. Это было отрицание, во имя личной свободы, всяких стеснений, налагаемых на человека обществом, семьей, религией. Нигилизм был страстной и здоровой реакцией против деспотизма не политического, а нравственного, угнетающего личность в ее частной, интимной жизни.

Надо, однако, сознаться, что наши предшественники, особенно в первое время, сумели внести в эту совершенно мирную борьбу тот же мятежный дух протеста и то же одушевление, которые характеризуют позднейшее движение. Период этот заслуживает, чтобы сказать о нем несколько слов, так как он является своего рода прологом в той великой драме, которая разыгралась впоследствии.

Первая битва была дана на почве религии. Но тут она не была ни продолжительна, ни упорна. Победа досталась сразу, так как нет ни одной страны в мире, где бы религия имела так мало корней в среде образованных слоев общества, как в России. Прошлое поколение держалось с грехом пополам церкви, больше из приличия, чем по убеждению. Но лишь только фаланга молодых писателей, вооруженных данными естественных наук и положительной философии, полных таланта, огня и жажды прозелитизма, двинулась на приступ, христианство пало, подобно старому, полуразвалившемуся зданию, которое держится только потому, что никому не вздумалось напереть на него плечом.

Пропаганда материализма велась двумя путями, взаимно поддерживавшими и дополнявшими друг друга. С одной стороны, переводились и писались сочинения, заключавшие в себе самые неопровержимые аргументы против всякой религии и вообще против всего сверхъестественного. Чтобы избежать придирок цензуры, мысли слишком вольные облекались в несколько неопределенную, туманную форму, которая, однако, никого не вводила в заблуждение. Внимательный читатель успел уже привыкнуть к "эзоповскому" языку, усвоенному передовыми представителями русской литературы. Рядом с этим шла устная пропаганда. Стоя на почве данных, доставляемых наукой, она делала из них окончательные выводы, уже нисколько не стесняясь цензурными соображениями, с которыми принуждены были считаться писатели. Атеизм превратился в религию своего рода, и ревнители этой новой веры разбрелись подобно проповедникам по всем путям и дорогам, разыскивая везде душу живу, чтобы спасти ее от христианских скверн. Подпольные станки и тут оказали свою услугу. Издан был литографированный перевод сочинения Бюхнера "Сила и материя", которое имело громадный успех. Книга читалась тайком, несмотря на риск, с которым это было сопряжено, и разошлась в тысячах экземпляров.

Однажды мне в руки попало письмо В.Зайцева, одного из сотрудников "Русского слова", бывшего главным органом старого нигилизма. В этом письме, предназначавшемся для подпольной печати, автор, говоря о своей эпохе и обви-

нениях, выставляемых нынешними нигилистами против нигилистов того времени, пишет: "Клянусь вам всем святым, что мы не были эгоистами, как вы нас называете. Это была ошибка, - согласен, - но мы были глубоко убеждены в том, что боремся за счастье всего человечества, и каждый из нас охотно пошел бы на эшафот и сложил свою голову за Молешотта и Дарвина".

Слова эти заставили меня улыбнуться, но, несомненно, они были совершенно искренни. Если бы дело дошло до подобной крайности, то мир, чего доброго, увидел бы зрелище настолько же трагическое, насколько и смешное: людей, идущих на муки, чтоб доказать, что Дарвин был прав, а Кювье ошибался, подобно тому как двести лет тому назад протопоп Аввакум и его единомышленники всходили на плаху и на костер за право писать Иисус через одно И, а не через два, как у греков, и "двоить" аллилуйя, а не "троить", как то установлено государственной церковью. Очень характерно это свойство русской природы - относиться со страстностью, доходящей до фанатизма, к вопросам, которые со стороны всякого европейца вызвали бы простое выражение одобрения или порицания. Но в данном случае проповедь материализма не встречала никакого серьезного сопротивления. Потрясаемые алтари богов защищать было некому. Духовенство у нас, к счастью, никогда не имело нравственного влияния на общество. Что же касается правительства, то что оно могло поделать против чисто умственного движения, не выражавшегося ни в каких внешних проявлениях?

Таким образом, сражение было выиграно почти без всяких усилий, выиграно окончательно, бесповоротно. Материализм стал своего рода господствующей религией образованного класса, и едва ли нужно говорить о том значении, которое освобождение от всяких религиозных предрассудков имело для всего дальнейшего развития революционного движения.

Но нигилизм объявил войну не только религии, но и всему, что не было основано на чистом и положительном разуме, и это стремление, как нельзя более основательное само по себе, доводилось до абсурда нигилистами 60-х годов. Так, они совершенно отрицали искусство как одно из проявлений идеализма. Здесь отрицатели дошли до геркулесовых столпов, провозгласивши устами одного из своих пророков знаменитое положение, что сапожник выше Рафаэля, так как он делает полезные вещи, тогда как картины Рафаэля решительно ни к чему не годны. В глазах правоверного нигилиста сама природа являлась лишь поставщицей матерьяла для химии и технологии. "Природа не храм, а лаборатория, и человек в ней работник", - говорил тургеневский Базаров.

II

В одном очень важном пункте нигилизм оказал большую услугу России, это - в решении женского вопроса: он, разумеется, признал полную равноправность женщины с мужчиной.

Как во всякой стране, где политической жизни не существует, гостиния является в России единственным местом, где люди могут обсуждать какие бы то ни было интересующие их вопросы. Женщина-хозяйка занимает, таким образом, соответствующее ей положение в умственной жизни образованного дома много раньше, чем возникает вопрос об ее общественном уравнивании. Это обстоятельство, а также, пожалуй, еще в большей степени крайнее обеднение дворянства после освобождения крестьян дали сильный толчок вопросу об эмансипации женщины и обеспечили за нею почти полную победу.

Женщина порабощается во имя брака, любви. Понятно поэтому, что, подымая голос в защиту своих прав, она всякий раз начинает с требования свободы любви и брака. Так было в древнем мире; так было во Франции XVIII столетия и в эпоху Жорж Санд. Так же было и в России.

Но у нас женский вопрос не ограничился узким требованием "свободы любви", которая в сущности есть не что иное, как право выбирать себе господина. Скоро русские женщины поняли, что важно завоевать самую свободу, оставляя вопрос о любви на личное благоусмотрение. А так как свобода немыслима без экономической независимости, то борьба приняла иной характер: целью ее стало обеспечить за женщиной доступ к высшему образованию и профессиям, на которые образование дает право мужчине.

Борьба эта была продолжительна и упорна, так как на пути стояла наша патриархальная, допотопная семья. Русские женщины проявили в ней много доблести и героизма и придали ей тот самый страстный характер, каким были проникнуты почти все наши общественные движения последнего времени. В конце концов женщина победила, что принуждено было признать и само правительство.

Ни один отец уже не грозитя обрезать косу своей непокорной дочери за то, что она хочет ехать в Петербург учиться медицине или слушать какие-нибудь "курсы". Молодая девушка не должна больше бежать ради этого из родительского дома, и ее друзьям-"нигилистам" нет надобности прибегать к "фиктивному браку", чтобы сделать ее независимой.

Нигилизм восторжествовал по всей линии, и ему не остается ничего больше, как успокоиться на лаврах. Первые две ипостаси из троицы его идеала, провозглашенного романом "Что делать?", - свобода мысли и развитая подруга жизни - были налицо. Недоставало только третьей - "разумного труда". Но так как он человек интеллигентный, а Россия нуждается в образованных людях, то он легко может найти себе дело по вкусу.

- Ну, а что же дальше? - вопрошает юноша, полный сил и отваги, прибывший из какого-нибудь отдаленного угла России и посетивший своего прежнего учителя.

- Что ж, я своего добился и по-своему счастлив, - отвечает тот.

- Да, - скажет юноша, - ты счастлив, я это вижу. Но как можешь ты быть счастлив, когда в твоей родной стране люди умирают от голода, когда правительство отнимает у народа последний грош и посылает его по миру? Или, быть может, ты этого не знаешь? а если знаешь, то что ты сделал для братьев твоих? Не сам ли ты говорил когда-то, что будешь бороться за счастье всех людей?

И правоверный тургеневский нигилист будет смущен этим неумолимым взором, не признающим компромиссов, потому что вера и энтузиазм, одушевлявшие его в первые годы борьбы, исчезли после победы. Теперь он не более как умный и утонченный эпикуреец, и кровь уже медленнее обращается в его отяжелевшем теле. А юноша уйдет, исполненный тоски, задавая себе томительный вопрос: что делать?

Наступает 1871 год. Телеграфные проволоки и ежедневная газета дают возможность современному человеку быть как бы вездесущим. И вот перед юношей возникает картина громадного города, восставшего на защиту народных прав. С захватывающим дух волнением следит он за всеми перипетиями страшной

драмы, которая разыгрывается на берегах Сены. Он видит потоки крови, он слышит предсмертные вопли женщин и детей, расстреливаемых на улицах Парижа. Но зачем эти слезы и кровь? За что умирают эти люди? Они умирают за освобождение рабочего - за великую социальную идею нашей эпохи. И в то же время до его слуха долетает песня русского крестьянина, созданная веками страданий, нищеты, угнетения. Вот он стоит перед ним, этот "сеятель и хранитель" русской земли, подавленный безысходным трудом и нуждой, вечный раб то бар, то чиновников, то своего же брата кулака. Правительство умышленно держит его в невежестве, и всякий грабит, всякий топчет его в грязь, и никто не подаст ему руки помощи. Никто? Так нет же, нет! Юноша знает теперь, что ему делать. Он протянет крестьянину свою руку. Он укажет ему путь к свободе и счастью. Его сердце переполняется любовью к этому бедному страдальцу, и с пылающим взором он произносит в глубине своей души торжественную клятву - посвятить всю свою жизнь, все свои силы, все помышления освобождению родного народа, который все терпит, чтобы только доставить ему, баловню судьбы, возможность жить в довольстве и роскоши, учиться, наслаждаться искусствами. Он сбросит с себя свой барский наряд, прикосновение которого жжет его тело, наденет грубый крестьянский армяк и лапти, и, покинув богатый дом родных, в котором ему душно, как в тюрьме, он отправится в народ, в какую-нибудь затерянную в глуши деревушку, и там, слабый и изнеженный барчонок, он будет исполнять тяжелую крестьянскую работу, будет подвергать себя всевозможным лишениям, чтобы только внести в эту несчастную среду слово утешения, евангелие наших дней - социализм. Что для него ссылка, Сибирь, смерть? Весь поглощенный своей великой идеей, лучезарной, живительной, как благодатное солнце юга, он презирает страдание и самую смерть готов встретить с улыбкой блаженства на лице.

Так родился социалист-революционер 1872-1874 годов. Так родились и его предшественники, каракозовцы, небольшая кучка отборных людей, развившихся под непосредственным влиянием зарождавшегося тогда Интернационала.

Перед нами два типа развития общественной мысли в России. Один принадлежащий десятилетию 1860-1870; другой - появившийся с 1871 года.

Трудно представить себе более резкую противоположность. Нигилист стремится во что бы то ни стало к собственному счастью, идеал которого "разумная" жизнь "мыслящего реалиста". Революционер ищет счастья других, принося ему в жертву свое собственное. Его идеал - жизнь, полная страданий, и смерть мученика.

И по какому-то странному капризу судьбы первому из них, который не был и не мог быть известен нигде, кроме своей родины, Европа не дала никакого имени, тогда как второй, завоевавший себе столь грозную известность, был окрещен именем своего предшественника. Какая ирония!

ПРОПАГАНДА

I

Русское революционное движение, как о том уже упомянуто выше, было результатом западноевропейских идей и событий, сильно повлиявших на умы русской молодежи, которая, в силу особенных условий России, была предрасположена воспринять эти влияния с самым крайним увлечением. Теперь нам предстоит отметить, каждую в отдельности, истинные причины, вызвавшие та-

кой результат, и направление, в котором происходило их воздействие. Указав источник и устье большой реки, мы должны теперь перечислить ее притоки и означить подробнее направление ее течения.

Проследить влияние Западной Европы не представляет особенного затруднения.

Идейное общение между Россией и Европой никогда не прерывалось, несмотря на все предохранительные меры цензуры. Запрещенные книги, как сочинения Прудона, Фурье, Оуэна и других социалистов старой школы, всегда доставлялись в Россию тайно, даже в эпоху азиатски жестокого и подозрительного деспотизма Николая.

Однако вследствие трудностей, с которыми было сопряжено добывание этих драгоценных книг, и языка, делавшего их малодоступными для массы читающей публики, непосредственное влияние этих писателей не могло быть особенно сильным. Они действовали на огромные сферы читателей благодаря целой плеяде блестящих популяризаторов социалистических идей, которые заняли в описываемую эпоху самое видное место в русской литературе. Во главе их стояли некоторые из самых даровитых людей двух последних поколений: Н.Г.Чернышевский, глубокий мыслитель, ученый и едкий полемист, заплативший мученичеством за свою благородную миссию; Добролюбов, гениальный публицист, ставший по нужде критиком, который умер 26 лет от роду, успевши оставить по себе глубокий след, который не изгладился и до нынешнего времени; Михайлов, профессор и писатель, осужденный на каторжные работы за речь к студентам, и много, много других. Герцен и Огарев, издатели первого органа свободного слова на русском языке - лондонского "Колокола", - были заграничными выразителями и толкователями нового направления. Эти-то писатели и подготовили почву для всего позднейшего движения, воспитавши в принципах социализма целое поколение 70-х годов.

С Парижской коммуной, грозный взрыв которой потряс весь цивилизованный мир, русский социализм вступил в воинствующий фазис своего развития, перейдя из кабинетов и частных собраний в деревни и мастерские.

Много было причин, способствовавших тому, что русская молодежь приняла с такой горячностью принципы революционного социализма, провозглашенные Коммуной. Ограничимся здесь лишь указанием на них.

Началом русского возрождения была, как известно, злополучная Крымская война, обнаружившая самым безжалостным образом гнилость всего русского общественного строя. Необходимость реформ сделалась очевидной для всех, вплоть до тех, кто способен был задуматься над вопросом о сохранении целостности государства. Начались реформы. Но попытка обновления России, предпринятая под руководством самодержавного императора, желавшего оставить неприкосновенным все: и свои священные "права", с которых следовало начать упразднение старого порядка вещей, и привилегии дворянства, которое он хотел иметь на своей стороне, опасаясь революции, - такая попытка по необходимости должна была оказаться половинчатой, лицемерной, полной противоречий, одним словом - мертворожденной. Мы не станем подвергать ее критике, тем более что в этом нет никакой нужды: в настоящее время вся "легальная" и умеренная пресса повторяет на все лады то же самое, за что сыпалось столько упреков на головы социалистов, именно, что все реформы Александра II оказались в высшей

степени несовершенно и что пресловутое освобождение крестьян изменило их материальное положение только к худшему, так как выкупные платежи, установленные за их жалкие наделы, значительно превышают доходность земли.

Несчастное, изо дня в день ухудшающееся положение крестьян, то есть 9/10 населения, не могло не заставить серьезно призадуматься всех, кому было дорого будущее родины. Необходимо было искать каких-нибудь путей к улучшению положения народа, и, конечно, общественная мысль обратилась бы к законным и мирным средствам, если бы по освобождении крестьян от ига помещиков Александр II освободил Россию от своего собственного ига, наделив ее хоть малой долей политической свободы. Но именно к этому он не проявлял ни малейшей склонности. А раз самодержавие оставалось в полной силе, можно было надеяться только на добрую волю императора. Но, по мере того как проходили годы, эта надежда все более и более уменьшалась. Как реформатор Александр II выдержал испытание очень недолго.

Польское восстание, подавленное с известной всем жестокостью, было сигналом реакции, которая день ото дня становилась ожесточеннее. Тут уже приходилось бросить всякие расчеты на мирные и легальные средства. Оставалось - или безмолвно подчиниться всему, или искать других путей для спасения родины; и естественно, что все, кто любил Россию, выбрали последнее. Таким образом, рука об руку с ожесточением реакции росло и революционное брожение, и тайные общества возникали одно за другим во всех главных городах России.

Выстрел Каракозова, бывший результатом этого возбуждения, явился грозным предостережением Александру II. Но он не захотел понять этого; мало того, с 1866 года бешенство реакции удвоилось. В несколько месяцев было уничтожено все, что еще носило на себе печать либерализма первых лет царствования. Это была истинная вакханалия реакции.

II

После 1866 года нужно было быть слепым или лицемером, чтобы верить еще в возможность каких-нибудь улучшений иными путями помимо насильственных. Революционное брожение явно усиливалось, и достаточно было малейшей искры, чтобы превратить скрытое пока недовольство во всеобщий взрыв. Как уже сказано, роль такой искры сыграла Парижская коммуна.

Вскоре после Коммуны, то есть к концу 1871 года, в Москве образовалось тайное общество "долгушинцев", а в 1872 году в Петербурге возник кружок "чайковцев", имевший свои разветвления в Москве, Киеве, Одессе, Орле и Таганроге. Целью обеих организаций было распространение социально-революционной пропаганды между рабочими и крестьянами. Рядом с этими более или менее обширными организациями существовало множество мелких кружков с той же программой. Массы отдельных людей помимо всяких кружков двинулись тогда же "в народ" для пропаганды. Движение вспыхнуло одновременно в разных местах и являлось просто необходимым результатом положения России, рассматриваемого сквозь призму социалистических идей, рассеянных в среде русской интеллигенции Чернышевским, Добролюбовым, Герценом и другими.

Вскоре к этим русским течениям присоединилась новая могучая волна из-за границы. Она имела своим источником "Международное общество рабочих", достигшее, как известно, своей наибольшей силы в течение нескольких лет,

немедленно последовавших за Парижской коммуной. Здесь также следует различать два отдельных пути, которыми влияние Интернационала передавалось в Россию: с одной стороны, это происходило путем литературы, а с другой путем непосредственного воздействия на отдельных личностей. Два писателя Михаил Бакунин, оратор и агитатор, основавший анархическую или федералистическую секцию Интернационала, и Петр Лавров, выдающийся философ и публицист, - оказали своим пером большую услугу нашему делу: первый - как автор книги о революции и федерализме, в которой развиваются идеи о необходимости немедленного восстания; последний - в качестве редактора журнала "Вперед!", издание которого он выносил почти исключительно на своих плечах. Несмотря на их разногласия по некоторым вопросам, оба писателя признавали крестьянскую революцию единственным средством, способным действительно видоизменить нестерпимое положение русского народа.

Но Интернационал имел также и непосредственное влияние на русское движение. Здесь необходимо вернуться немного назад, потому что в этом пункте русское революционное движение соприкасается с чисто индивидуалистическим движением так называемого "нигилизма", о котором говорилось выше. Борьба за эмансипацию женщины слилась с стремлением последней к высшему образованию. Доступ в высшие учебные заведения был закрыт для русских женщин, и вот они решили отправляться за границу, чтобы там приобретать знания, в которых им отказывала их родина. Свободная Швейцария, когда-то ни для кого не закрывавшая ни своих границ, ни своих университетов, стала излюбленной страной этих новых пилигримов, и одно время знаменитый город Цюрих был их Иерусалимом. Со всех концов России - с Волги, тихого Дона, Кавказа, из далекой Сибири - молодые девушки, чуть не девочки, с легким чемоданчиком в руках и почти без средств, одни, отправлялись за тысячи верст, сгорая жаждой знаний, которые только и могли обеспечить им желанную независимость. Но, по прибытии в страну, бывшую предметом их мечтаний, они находили там не только медицинские школы, но и рядом с этим широкое общественное движение, о котором многие из них не имели ни малейшего понятия. И здесь еще раз обнаружилась разница между прежним нигилизмом и социализмом позднейшего поколения.

"Что такое вся эта наука, - спрашивали себя молодые девушки, - как не средство к приобретению более выгодного положения в среде привилегированных классов, к которым мы уже принадлежим? Кто, кроме нас самих, воспользуется всеми предоставляемыми знанием преимуществами? а если никто, то какая же разница между нами и всей этой массой кровопийц, живущих на счет пота и слез нашего несчастного народа?"

И вместо медицинской школы девушки начинали посещать заседания Интернационала, изучать политическую экономию и сочинения Маркса, Бакунина, Прудона и других основателей европейского социализма. Вскоре Цюрих из места научных занятий превратился в один громадный клуб. Молва о нем распространилась по всей России и привлекала туда целые сотни молодежи. Тогда не в меру предусмотрительное императорское правительство издало нелепый и позорный указ 1873 года, повелевавший всем русским, под угрозой объявления их вне закона, немедленно покинуть этот страшный город.

Правительство попало, что называется, пальцем в небо.

Дело в том, что в среде русских, пребывавших в Цюрихе, уже и без того